

А. Дробина

КЛАД ИЗ СУМОЧКИ

ЧЕРНЫЙ КОТ

Анастасия Дробина

Клад из сумочки

«ЭКСМО»

2014

Дробина А. В.

Клад из сумочки / А. В. Дробина — «Эксмо», 2014

Оказаться как две капли воды похожей на девушку, умершую сто лет назад, — чем не сюжет для фильма ужасов? Но отчаянная пятерка друзей любой ужастик превратит в веселые приключения. В Москве и у моря, на стареньком мотоцикле и с поливочным шлангом в руках команда Юльки Полундры готова дать отпор и дружелюбным привидениям, и современным бандитам, и надменным богачам. И ни одна загадка — ни старинная, ни нынешняя — не устоит перед их находчивостью!

© Дробина А. В., 2014

© Эксмо, 2014

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

23

Анастасия Дробина

Клад из сумочки

© Дробина А., 2014

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2014

* * *

Впоследствии Юлька Полундра утверждала, что весь этот сумасшедший дом начался в июле, в Лазаревском. Но Белка точно знала: ничего подобного. Все началось в Москве, на майских праздниках, когда во дворе их дома на Восточной буйно цвела сирень.

Стоял теплый вечер. Окна в квартире были распахнуты настежь, из музыкального центра доносились звуки Пятой симфонии Бетховена. Белка лежала на диване и, зажав уши ладонями, читала учебник по истории за восьмой класс. Разумеется, можно было выключить музыку и готовиться к уроку в тишине, но Белке почему-то это в голову не приходило. Неожиданно в унисон Бетховену заголосил мобильный телефон. Белка вытащила его из-под дивана и удивленно воззрилась на экранчик: звонила Соня.

Удивляться вообще-то было нечему. Старшая сестра звонила по несколько раз в день, дабы осведомиться, пообедала ли Белка, сделала ли уроки, перевела ли текст по французскому и не забыла ли, что завтра в три у нее зачет по гаммам. Но именно сейчас Соня должна была находиться в Музее Тропинина¹ на Полянке. Музей был небольшой, всего шесть залов. В одном из них стояло старинное фортепьяно. Раз в неделю, в среду, в музей проходила «музыкальная экскурсия»: после осмотра экспозиции посетителям предлагалось сесть в удобные кресла в зале с фортепьяно и послушать небольшой концерт. За инструментом обычно находились студенты Московской консерватории. И как раз сегодня, в шесть часов, Соня Гринберг должна была выступать в «концертном зале» Музея Тропинина.

– Соня, что случилось? Ты что, еще не в музее?

– Белка! Ужас! Катастрофа! – голос сестры срывался от волнения. – Белка, я сейчас у Анны Леонардовны, ей плохо... Что-то с сердцем, я только что вызвала «Скорую»...

– Ой, кошмар!.. – ахнула Белка. Преподавательнице Сони, Анне Леонардовне, было уже за семьдесят, но она и слышать не хотела о том, что в ее годы проводить за роялем по пять часов в день вредно для здоровья. И вот...

– Белка, я никак не могу уйти, я должна поехать с Анной Леонардовной в больницу! У нее же никого больше нет!

– А как же твой концерт?!

– Я поэтому и звоню! Бери ноты – «Времена года» Чайковского, «Сборник мазурок» Шопена, Грига – и поезжай в музей!

– Что?.. Соня, но я же Грига не играю... Его трудно с листа читать... И Чайковского – только «Баркаролу» и «Святки», а Шопен – это вообще...

– Бэлла!!! Немедленно! У тебя мало времени! Я сейчас позвоню в музей, скажу, что ты играешь вместо меня! Твое концертное платье выглажено? Тогда бегом на троллейбус, как раз успеешь! Спасибо! Удачи! Спасай меня, Бэллочка! Ой, кажется, «Скорая» подъехала... Пока!

– Но Соня!..

¹ Тропинин Василий Андреевич (1776–1857) – русский живописец, мастер романтического и реалистического портретов. Его творчество – один из важнейших этапов в развитии русской портретной живописи XIX в. (Прим. ред.)

В трубке запищали гудки. Белка с минуту растерянно смотрела на погасший экран телефона. Затем кинулась к шкафу.

Концертное платье выглажено НЕ БЫЛО! Не было – хотя, что греха таить, сделать это Белка должна была еще неделю назад. Но навалилась куча самостоятельных и контрольных, и день рождения у лучшей подруги Полундры, и зачет по сольфеджио, и последняя серия «Барсов Нью-Йорка», и... В общем, было много чего, и роскошное белое платье с декольте, купленное мамой в Вене, так и осталось болтаться в шкафу перекрученной тряпкой. Белка стянула его с вешалки и забегала по кухне в поисках утюга. Воткнув вилку в розетку, кинулась на балкон.

– Юлька! Юлька! Юлька-а-а!!!

– Ты чего орешь, горе мое? – басом спросили с соседнего балкона, и на нем появилась рыжая встрепанная голова Полундры. Из окна этажом ниже выглянула третья подруга – Натэла Мтварадзе.

– Белка, что такое?

– Ужас! Кошмар! Все, я умираю! Девчонки, мне конец!!!

– Сейчас будем, – хором сказали подруги.

Через пять минут Натэла, разложив на гладильной доске платье, двигала в складках утюгом и яростно ругалась по-грузински. Белка сооружала в ванной прическу, от волнения то и дело брызгая лаком себе в лицо, а Полундра швыряла ноты в папку, сверяясь со списком и поглядывая на часы. Все ужасно спешили. Но через десять минут, когда еще и половина платья не была приведена в пристойный вид, Юлька объявила, что они опаздывают.

– На троллейбусе, даже если сразу подойдет, – минут двадцать! А если ждать придется? И там от остановки еще по переулкам бежать? Нет, девчонки, не успеваем никак!

– Господи, что же делать?! – Белка готова была разреваться. – Я же обещала Соне... Она на меня надеется... Меня там уже ждут! А еще разыграться надо, я этого инструмента в глаза не видела!

– Что делать, что делать... Действовать! – В глазах Полундры зажегся опасный блеск. – Так... Натэлка... Где наши пацаны?

– В бассейне, у Батона соревнования! Сергей за него болеть пошел!

– Тьфу, нашли время... В кои-то веки понадобились – и нет их! Ладно. – Юлька решительно встала. – Тогда заканчивайте здесь с платьем, а я заводиться пошла!

Полундра исчезла. Вскоре в окно влетел душераздирающий звук ожившего мотора. Белка с Натэлой кинулись к окну. Внизу из открытого гаража торжественно выкатывался мотоцикл «Ява», принадлежащий Андрюхе Батону. Мотоцикл был старый, ездил с трудом, заводился по настроению и носил кличку «керосинка». Батон, впрочем, весьма им гордился. В восемнадцать лет он собирался сдать экзамены на права и уже легально ездить по Москве. Пока что Батон и его друзья ездили на «керосинке» по всем окрестным дворам и разрешения прокатиться нужно было выпрашивать у Андрюхи заранее.

– Батон ее убьет... – пробормотала Белка. – Как она только гараж открыла?

– Ключ под ступенькой, – пожал плечами Натэла, возвращаясь к утюгу. – Не убьет. Других вариантов у нас нет, тебя же надо спасать. Парни должны понять. А Юлька молодец!

Белка нервно вздохнула, кинула взгляд на часы и метнулась к зеркалу.

– Не старайся, – остановила ее Натэла. – Под шлем прическа все равно не влезет. Распустишь волосы и заколешь бантом, будет как раз то, что нужно! И не забудь куртку кожаную – хоть какая-то защита! А платье надевай прямо сейчас, там у тебя уже не будет времени!

– Но...

– Ты сама сказала, что нужно еще разыграться!

Через десять минут Белка в белом воздушном платье, кожаной куртке внакидку и с нотной сумкой за спиной вылетела из подъезда. Там уже всю тарыхтела «керосинка». В седле

высилась Полундра в кожаном дедовом пиджаке и джинсах. Рыжую голову венчал черный шлем. Второй шлем она протянула подруге:

– Быстрей, пока меня дед не видит! Куртку надевай, замерзнешь! Платье подбери со всех сторон, а то в колесо попадет! Крепко меня сзади держи! Сколько у нас времени?

– Восемь минут!

– Ат-глично! Мимо Таганки на вокзал, а там вниз по Новокузнецкой и – переулками! Шлем надела? Держись! Главное – не превышать скорость у полиции под носом!

Последние ее слова утонули в яростном треске мотора. «Керосинка» подпрыгнула, рванула с места, заложила крутой вираж по двору, обдав пылью бабулек на скамейке, и с ревом скрылась в подворотне.

Ну, это была и гонка! Ветер свистел по сторонам, бил в забрало шлема, белое платье хлопало на ветру как парус. Полундра, налегая на руль, выжимала из старенького мотора все возможное. Со стороны это все напоминало, вероятно, кражу невесты. К счастью, до знаменитых пробок на Таганке было еще часа полтора, и к Павелецкому вокзалу они подлетели через три минуты. Там Полундра обогнала троллейбус, ловко нырнула в подворотню при виде полицейской машины, прокатила через дворы, выскочила на перекрестке Полянки и Ордынки и понеслась по тихим, заросшим сиренью переулкам.

Они успели вовремя. Белкины часики показывали без четверти шесть, когда Полундра лихо, как Терминатор, осадила мотоцикл у ограды двухэтажного старинного дома с колоннами.

– Здесь?!

– Да-а... – едва смогла выговорить Белка, у которой тряслись все внутренности. – Ну, Юлька... Ну, ты даешь...

– Платье в порядке? Не порвалось? Ну и беги тогда! Я тут ждать буду.

– А на концерт не пойдешь?

– Сдурела?! – фыркнула Юлька, стягивая шлем и блаженно встряхивая спутанной рыжей шевелюрой. – Хочешь, чтоб я опять на весь зал храпанула? Как на твоём отчетном? И «керосинку» одну оставлять нельзя. Еще эвакуатор заберет... Мне Батон тогда точно башку отвинтит! Иди, ни пуха ни пера!

Белка слабо улыбнулась и на дрожащих ногах побрела к ограде.

В крошечном туалете музея, где Белка попыталась наспех привести себя в порядок, обнаружилось, что где-то потерялся бант. К счастью, в глубине нотной сумки обнаружились две заколки-звезды нелепого красного цвета, совсем не подходящие к концертному платью. Но делать было нечего: Белка кое-как сделала себе хвосты, умылась и выбежала из туалета. У нее было еще несколько минут, чтобы опробовать незнакомый инструмент.

«Концертный зал» был маленьким, уютным, со старинными шкафчиками и столиками по углам. На стенах висели картины в рамах. Никого еще не было: лишь в соседнем зале охранник возился с проводкой. Белка видела только его спину в камуфляжной куртке, на которой большими буквами было написано название охранной фирмы. Прочитав его, Белка фыркнула: фирма называлась «Фарлаф».

Подойдя к пианино, она подняла полированную крышку, установила ноты на подставку и прикоснулась к прохладным клавишам. Инструмент отозвался мягким, мелодичным аккордом. Мельком Белка взглянула в сторону – и вдруг с удивлением заметила, что в зале она не одна.

Высокий темноволосый мальчишка в джинсах и черной футболке сидел у стены возле окна. На вид ему было лет шестнадцать-семнадцать. На коленях у парня белел лист плотной бумаги. Рядом в коробочке лежали карандаши. Оправившись от первого испуга, Белка поняла, что это, скорее всего, студент художественной школы или училища. Свет из окна падал на худое загорелое лицо парня, и Белка невольно изумилась: где он мог так загореть к середине мая? А глаза под густыми бровями были зелеными, как у... русалки. Сообразив, что сравнение

вышло дурацкое, Белка невольно хихикнула. Парень резко обернулся – и уставился на Белку с таким изумлением, что ей сразу же стало не по себе.

Неужели она так ужасно выглядит? Конечно, с этими идиотскими заколками... И платье, понятно, измялось по дороге, и волосы растрепаны как веник... «Вот так всегда! – в отчаянии подумала Белка, утыкаясь в ноты и беря раскатистое арпеджио. – Вот всю жизнь так! Только попадетсЯ кто-то приличный – обязательно или на голове раскардаш, или прыщ на лбу выскочит! И что за наказание!.. Ну вот чего, спрашивается, уставился?! Сидел бы себе и дальше рисовал...» Но, играЯ с листа сложного Грига, Белка чувствовала, что зеленоглазый парень по-прежнему не отрывает от нее взгляда. В груди начал подниматься жар, прохладный вечер внезапно стал душным. «Господи, да что же это такое! – разозлилась Белка. – Ты работать пришла или что?! А ну приди в себя, бессовестная! Вздумала – на концерте глазки строить! Все – смотрим в ноты и играем!» Она сосредоточенно взяла несколько аккордов из Шопена – и заметила, что зеленоглазый парень встал и направляется прямо к ней.

Заговорил он еще на ходу:

– Comtesse, vous jouez parfaitement. La robe vous va tres bien!²

– Merci, vous ete gentils³, – машинально, как на уроке французского, ответила Белка. «Ой, мама... Так он еще и француз?! А у меня произношение неправильное...»

– Qu'est-ce que vous faites isi?⁴

– Excusez-moi, je ne vous comprends pas...⁵ – пролепетала совсем растерявшаяся Белка.

– Vous ne comprenez pas? Il me semble qi'il vaut mieux que vois parliez anglais⁶?

Только этого не хватало! Белка в упор посмотрела на парня, уверенная, что он над ней издевается. Он не издевался. Более того, в его зеленых глазах читались замешательство и явный испуг. И вдруг Белка все поняла: «Псих! Просто псих! За какую-то графиню меня принимает! В Интернете начитался чего-то и свихнулся! Тьфу, ну вот всегда мне везет!!!»

К счастью, в это время в зал начали входить экскурсанты. Они чинно расселись по банкеткам вдоль стен. Старушка-хранительница сообщила, что сегодня для гостей музея будет исполняться пьесы из «Времен года» Чайковского, «Утро» Грига и мазурка Шопена. Белка поклонилась из-за пианино и взяла первый аккорд.

Концерт прошел как во сне. То и дело звучали аплодисменты, и Белка улыбалась привычной «рабочей» улыбкой, глядя поверх голов зрителей. Она видела, что зеленоглазый художник по-прежнему стоит рядом с пианино и не сводит с нее глаз. По спине бегали горячие мурашки, пальцы словно сами собой носились по клавишам, а в висках бухало: «Мамочки... Мамочки... мамочки мои...» Еще никто и никогда, за все ее четырнадцать лет, не смотрел на нее так.

Наконец концерт закончился. Бурно похлопав пианистке, зрители начали подниматься. Взглянув на свои часики, Белка удивилась: прошло всего-навсего полчаса. Ей казалось, что она играет целую вечность, боясь взглянуть в сторону и наткнуться на зеленые, внимательные глаза. Не дожидаясь, пока последний зритель выйдет из зала, она схватила свои ноты и помчалась прочь.

К счастью, Полундра никогда не задавала ненужных вопросов. Увидев подругу, опрометью несущуюся по переулку, она сразу нажала на стартер, и «керосинка» взревела.

– Живо садись, рвем когти! Держи шлем!

Белка торопливо нахлобучила шлем и вскочила на мотоцикл.

2 Графиня, вы прекрасно играли. Вам очень к лицу это платье! (фр.)

3 Спасибо, вы очень любезны (фр.)

4 Что вы здесь делаете? (фр.)

5 Простите, я вас не понимаю... (фр.)

6 Не понимаете? Вам, я думаю, легче говорить по-английски? (англ.)

– Шас убью обеих на фиг! – грозно сказал Батон, когда мотоцикл с отчаянными девицами вкатился во двор и остановился у подъезда. – Вам кто разрешил технику без спросу брать?!

– А у кого спрашивать было?! – Полундра, стянув шлем, воинственно тряхнула рыжими волосами. – У тебя соревнования, а нам кровь из носу ехать надо было! Форс-мажор, концерт горел! Тебе Натэлка разве не рассказала?

– Рассказала... – проворчал Батон, придиричиво осматривая «керосинку». – Ты как на перекрестках, нормально? Не гнала?

– Вот чесслово, ползла на пузе! Зуб даю! – на голубом глазу соврала Полундра. Белка вспомнила лихой вираж на углу Ордынки и нервно вздрогнула. Батон недоверчиво посмотрел на обеих:

– Чтоб больше не было мне!.. Форс с моржом у них, видите ли... А у «керосинки» и так скоро движок отвалится! Бензина не напасешься! Гринберг, а вас никто не видал, когда вы со двора выезжали?

– Кажется, никто, – ответила вместо Белки Полундра, посмотрев на подругу с большим подозрением. – Белк, а что случилось-то, кстати? Что ты как ненормальная из музея вылетела? Я подумала, ты там какую-нибудь статую ценную на пол наверху и срочно линять надо...

– С ума сошла, какую статую?! – У Белки из глаз предательски брызнули слезы. – Я... Я просто перенервничала! И устала! И... И вообще, боялась! Я... спать хочу!!!

Она кинулась в подъезд. Дверь хлопнула на весь двор. Полундра и Батон озадаченно уставились друг на друга:

– Чего это она?..

– Чего-чего... Творческая личность! – пояснила Юлька, воздев палец к темнеющему небу. – Не то, что ты – кирпич водоплавающий! Загоняй «керосинку», пошли к Натэлке ужинать! Я отсюда слышу, как там Атаманов котлетами чавкает! Вот жуть как есть всегда хочу... после классических концертов!

– Бэлла, вы просто с ума сошли! Это уму непостижимо! Разве так можно, господи? – причитала Соня, расхаживая в ночной рубашке по комнате и хватаясь за голову. – Вам же нет шестнадцати! У Юльки – ни водительских прав, ни документов на машину! А если бы полиция?! А если бы авария? А если бы...

– Ты просила меня помочь. – Белка лежала в постели и смотрела в потолок. – Я сделала все, что могла.

– Да если бы я знала!.. Ты хотя бы шлем надевала?

– Конечно. Не беспокойся.

– Как я могу не беспокоиться, если я за тебя отвечаю?! – взвилась Соня. – А что бы я маме сказала, если б ты упала с мотоцикла? И попала бы в больницу? Или вообще, не дай бог... Представляешь, мама возвращается с гастролей, и я ей говорю... Бэллочка, господи, что с тобой?!

Белка молчала. По ее щекам текли слезы.

– Бэллочка! – старшая сестра взволнованно присела на край кровати. – Что случилось? Что с тобой такое?! Ты обиделась? Прости... но я же в самом деле перепугалась! На этом драндулете нестись через центр города у всей полиции на глазах! Бэллочка, ну почему ты плачешь? У тебя ничего не болит?

– Нет, ничего... Соня, честное слово, я просто очень устала... – прошептала Белка, отворачиваясь к стене. От рыданий сжималось горло. Но она точно знала: о сегодняшнем вечере, о зеленоглазом «французе», о нескольких фразах, которыми они перебросились на чужом языке, она не расскажет никогда и никому. Даже лучшим подругам. Даже Соне. И они с этим парнем не увидятся больше никогда. Ни-ког-да...

Соня внимательно посмотрела на младшую сестренку. Наклонившись, поцеловала ее в мокрую щеку, погасила свет и молча вышла из комнаты.

Два месяца спустя вся компания Юльки Полундры, плюс Соня, плюс Юлькин дед Игорь Петрович и старший брат Пашка вылезали из машины в переулке приморского поселка Лазаревское. Солнце пекло по-южному. Пахло магнолией и морской солью. Высоко в синем, чистом небе кричали чайки, и жизнь казалась восхитительной штукой.

Еще весной ребятам и в голову не могло прийти, что на каникулах они всей компанией окажутся у моря. Но в мае грянули сразу две оглушительные новости. Во-первых, старенькая «Волга» Юлькиного деда, отставного генерала Полторецкого, приказала долго жить. Огромная семья Полторецких скинулась и купила Игорю Петровичу большущий страховидный джип, в который свободно мог уместиться, по словам счастливого хозяина, батальон пехоты. Во-вторых, Юлькина тетя Марьяна собралась в Афины, в гости к дочери.

Полундра всегда считала, что чем больше у человека теток, тем тяжелее ему живется. А если тетушек целых восемь, то жизнь по временам превращается в сплошной кошмар. «Да мне давно орден дать надо! – жаловалась Юлька друзьям, когда в гости сваливалась очередная родственница. – За заслуги перед семьей, первой степени!»

– «Три тетушки живут у нас в квартире. Как хорошо, что три, а не четыре!»⁷ – цитировал классика старший брат – и убирался к друзьям в общежитие. Юлька ему люто завидовала.

Судите сами: с появлением теток квартира немедленно перегораживается сумками и баулами так, что ногу свернешь, пока проберешься в туалет. Повсюду носятся сопливые братья и сестры, падают, режут, хватают без спросу твои вещи. На кухне – бесконечные посиделки с воспоминаниями. По телевизору вместо любимого сериала «Барсы Нью-Йорка» изволь смотреть с мелюзгой дурацкие мультики. На твоей кровати спит тетка со старшей дочкой, а ты сама – на полу, на надувном матрасе. Всю ночь кто-то ноет, хнычет и просится на горшок. Тебя целуют в щеку, как малолетнюю дурочку, восхищаются, как ты выросла, ужасаются, разглядывая твой дневник. В конце концов начинается самое противное: «Почему ты все время в джинсах? Почему ты гоняешь на мопеде? Что за жуткую музыку ты слушаешь? Почему коленки сбитые? Почему синяк под глазом? ТЫ ЖЕ ДЕВОЧКА!!!» С родственницами Юлька не спорила, поскольку дело это было безнадежное, но во время их визитов предпочитала появляться дома лишь поздним вечером.

Однако от двух теток польза определенно имела. Тетя Клава и тетя Марьяна жили у Черного моря. И каждые летние каникулы Юлька отправлялась в гости – то в крымский город Евпаторию, то в поселок Лазаревское под Сочи. В этом году ее ожидали в Лазаревском. Помимо племянницы, тетя Марьяна обычно принимала у себя кучу отдыхающего народу, сдавая летний домик во дворе и строительный вагончик, переоборудованный под коттедж. Но на майских праздниках тетя Марьяна позвонила сестре в Москву и сообщила, что старшая дочь, живущая с мужем в Греции, зовет ее в гости на все лето. Тетя Марьяна была рада, но ужасно сокрушалась по поводу того, что не сможет, как обычно, сдать свой домик курортникам. Вот если бы нашлись какие-нибудь родственники или добрые знакомые, на которых не страшно будет оставить участок и дом... Этих знакомых тетя Марьяна согласилась бы пустить даже за четверть цены – но где же набрать сразу столько народу?... Юлькина мать пообещала опросить своих московских знакомых. Разговор этот происходил при Юльке, которая тут же предложила: «Мам, а давай я всех своих спрошу! Вдруг повезет? У деда в академии как раз в июле приемные заканчиваются! И у Сони Гринберг конец сессии! И Пашка все экзамены сдаст! Как раз всей компанией в дедов джип запихаемся и поедем!»

⁷ Лев Кассиль. «Кондуит и Швамбрания». (Прим. ред.)

Слов на ветер Полундра не бросала и за дело взялась решительно. К вечеру того же дня уже было известно, что бабушка Натэлы, актриса Нино Мтварадзе, как раз в июле заканчивает гастроли в Сочи и будет не прочь отдохнуть в Лазаревском пару недель. Согласились ехать и Соня с Белкой. Услышав, что едет Соня, Юлькин старший брат Пашка немедленно объявил, что едет тоже («Королева моя, должен же там кто-то отгонять от тебя аборигенов!»). Соня не спорила. Ей казалось, что младшей сестре необходимы морской воздух и солнце. В последнюю очередь примчались Атаманов и Батон, объявившие, что они тоже люди и тоже хотят на море, а переговоры с родителями уже ведутся. В этих переговорах приняли участие бабушка Натэлы и дед Юльки, которых знал и уважал весь дом. Таким серьезным людям родители мальчишек готовы были доверить своих раздолбаев. К тому же оказалось, что отчим Сони и Белки тоже собирается в Сочи по делам со дня на день.

Так и вышло, что десятого июля развеселая компания с рюкзаками и сумками вывалилась из джипа на Черешневой улице. Юлька Полундра знала поселок как свои пять пальцев и возбужденно рассказывала:

– Вот увидите, здесь все клево! До моря – три минуты бегом! У дельфинов брачный сезон, прямо к берегу целоваться подплывают, сами увидите! Киношка рядом! До рынка одна остановка на трамвае! Весь двор в черешне, можно прямо с веток объедать, тетя Марьяна разрешает! Бычков ловить можно! И креветок! И мидий! Белка, чего «фуй»?! В Москве морепродукты бешеных бабок стоят, а здесь только собирай!

– Соседи не шумные? – деловито поинтересовалась Натэла. – Бабушке после гастролей отдыхать надо.

– Нет, там два брата и сестра через забор живут, у них тихо всегда. Ленка – инвалид, в кресле-каталке... А какие у тети Марьяны розы!.. Вы таких никогда в жизни не видели! И вообще красота такая, что супер-пупер! У Нино Вахтанговны творческий подъем будет – зашибись, слово даю!

Разговаривать тихо Юлька Полундра не умела. Встречные прохожие с улыбкой смотрели на рыжую взъерошенную девчонку в драных оранжевых шортах, зеленой майке и бейсболке, надетой козырьком назад.

– Ключи тетка у соседней оставила! – объявила Полундра. – Дед, я им сейчас покричу.

– Всем лечь! – драматическим шепотом объявил девятнадцатилетний Пашка. – Штормовое предупреждение, включается противотуманная сирена!

– А чего ты дразнишься?! – обиделась Юлька. – Ну и кричи тогда сам!

– Да нет, давай уж... Сейчас я только за столб покрепче ухвачусь. Соня, зря ты такое платье надела, тебя сейчас в открытое море унесет!

Соня, ужасно хорошенькая в белом сарафане с пышной юбкой, только отмахнулась. Юлька свирепо посмотрела на брата, набрала побольше воздуха и взвыла:

– Ю-у-у-урка!!! Ро-о-о-омка! Мы приехали-и-и-и!

За соседним забором что-то грохнулось и покатилося. Прямо из-под ног у Полундры с воем вылетел и скачками понесся вниз по улице полосатый кот. Где-то испуганно заплакал ребенок.

– Восхитительно! – ехидно сказала Соня. – Абсолютно оперная постановка голоса! Игорь Петрович, вы не пытались учить Юлю вокалу? Мне кажется, она имела бы бешеный успех...

– У меня ни голоса, ни слуха, одна убойная сила! – жизнерадостно ответила Полундра вместо деда. – Зато парад без рупора могу принимать! Ну вот, уже идет кто-то...

За забором действительно слышался странный стучащий звук. Калитка открылась. За ней стояла и улыбалась девушка лет двадцати в красном застиранном платье. Ее темные волосы были небрежно заплетены в две косы, в зеленых глазах прыгали солнечные зайчики. Девушка тяжело опиралась на костыли.

– Ленка! Упс! – ошарашенно воззрилась на нее Полундра. – Ты это как же?! А где твоя коляска? Тебе что, операцию все-таки сделали?! Юрка денег заработал, да?! Будешь ходить теперь?! Блин, ура-а-а-а!!! Наконец-то! Ура-а-а, да здравствует все на свете! – Она кинулась на шею девушке, и та неловко ухватилась рукой за калитку. На лице ее появилась бледная улыбка.

Жара начала спадать только к сумеркам. Усталое солнце сползло в море, полосуюя розовыми лучами двор, заросший черешней, виноградом и розами. Каменные потрескавшиеся плиты двора были еще горячими. Вокруг дома бесшумно шмыгали кошки, в зарослях винограда вскрикивала горlinkка. На веревке болталось пять мокрых купальников и четыре штуки плавок. Под ними лежала гора шлепанцев.

Было решено, что парни во главе с генералом Полторецким селятся в хозяйском доме, а девицы под командованием Сони – в летнем домике с кухней внизу и огромной крытой верандой на втором этаже. В строительный вагончик в дальнем конце двора Натэла решила поселить бабушку. Прибытия актрисы Мтвардзе ожидали завтра к вечеру.

– Натэлка, нельзя же так! – возмущалась Полундра. – Нино Вахтанговна – целая народная артистка, а ты ее в эту будку отправляешь! Жесть какая-то! Нет, ты как хочешь, а бабушку надо в дом! Там весь первый этаж пустой! И кровать классная, и телик, и туалет приличный...

– Юля, я лучше знаю, что ей надо! – пропыхла Натэла, волоча через участок гору подушек и свернутый матрас. – Вот увидишь, она приедет с гастролей, скажет, что она умирает, никогда больше на сцену не выйдет и ей ничего, кроме тишины, не нужно! А вагончик далеко стоит, там тихо, розы вокруг...

– Тогда надо будет внутри помыть и хорошую кровать туда отнести! – деловито сказала Полундра. – Сейчас парни вернутся, я их припрягу.

– Смотри! – Натэла взглянула через забор. – Там у соседей, кажется, такой же вагончик стоит!

За забором, на соседском участке, действительно темнело оплетенное диким виноградом сооружение со снятыми колесами. На запертой двери висел массивный замок.

– А-а, это... Да, точно такой же. Тетя Марьяна где-то сразу два достала, и один сразу соседу продала. Хорошая вещь! Они его обычно тоже отдыхающим сдают... Да куда пацаны-то пропали?! Купаться, что ли, опять убежали?

Заглянув в домик, Юлька обнаружила там только Белку, лежащую на кровати и глядящую в потолок.

– У тебя ничего не болит? – ворчливо осведомилась Полундра. – Что-то ты грустная... На солнце не перегрелась? Есть не хочешь?

Белка вяло отмахнулась.

– А я хочу! – решительно объявила Юлька. – А Натэлка только еще на рынок собирается! Я ее знаю, она там все ряды обойдет и всем продавцам нервы вымотает, это часа на два! А потом еще будет полдня над этим своим мясом стоять! И Атаманова от кастрюли гонять, чтоб куски не тырил!

– Зато вкусно получится!

– Это точно, – согласилась Юлька. По мнению друзей, стряпню Натэлы можно было свободно подавать в самых лучших ресторанах. Однако всей этой вкусноты еще надо было дожидаться, а Юлькин желудок уже давно играл военный марш.

– Слушай, ну пойдем хоть на набережную, чебуреков купим! – взмолилась она. – У меня кишки в узел закручиваются! Сейчас уже не жарко, хорошо, идем!

Белка вздохнула и нехотя стала подниматься.

Приморская улочка была почти пуста. Юлька неслась вдоль набережной размашистым матросским шагом.

– Не пойму, куда он делся... Тут же всю жизнь дядя Махаз чебуреками торговал! Опять, что ли, на свадьбу к кому-то уехал?! Ничего, сейчас до конца улицы пробежимся, заодно,

может, наших встретим, там рынок, и... О! Ромка! Ромка соседский! Сидит, весь из себя красивый! Здорово, Ромка, это я приехала!!!

Полундра отпустила руку подруги и помчалась в сторону моря. Там под огромным каштаном расположился уличный художник. Он сидел на матерчатом складном стульчике, рядом, приколотые на самодельный фанерный стенд, висели его работы, а стул для клиентов был пуст. Услышав истошный Юлькин вопль, он обернулся. Полундра кинулась к нему, и через минуту они с парнем уже обнимались и колотили друг друга по плечам и спине.

– Ромка, ты как?! Нет, ну ты как?! – орала Полундра. – Я только днем приехала, с друзьями и дедом! У вас-то как дела? Юрка где сейчас? В отпуск приехал? Слушай, а что, Ленке операцию сделали все-таки, да?! Она нам открыла – и без коляски, на костылях! Сама до калитки дошла, вот круто! Где вы с Юрцом бабки-то взяли? Что продали? Слушай, ну как же здорово! А думали, что безнадежно! Сам-то как? Экзамены сдал? Мог бы и в гости зайти хоть раз в Москве-то! Белка, Белка, иди сюда скорее, где ты там?! Господи, корни пустила, что ли?! Иди сюда, я тебя с Ромкой познакомлю!

Корни Белка не пустила. Но ноги напрочь отказывались идти. Потому что в двух шагах от нее стоял в обнимку с Полундрой зеленоглазый смуглый парень в майке-тельняшке. Тот самый, который заговорил с ней по-французски два месяца назад в «музыкальном зале» тропининского музея. Тот, который принял ее за неведомую графиню. Тот, кто каждую ночь снился ей, и Белка ничего не могла с этим поделать. И никому-никому не могла об этом рассказать.

«Я сошла с ума», – грустно подумала она, отказываясь верить собственным глазам. Но поверить все же пришлось. Потому что с фанерного стенда на нее смотрел ее собственный портрет. Акварель была написана так точно, что Белке казалось – она смотрится в зеркало. Да, это она... Нелепая прическа с хвостами, схваченными красными заколками-«звездами»... Белое платье с открытыми плечами... Все, как было в тот теплый вечер, когда она играла Чайковского в музее! «Боже мой, какая я тут красивая...» – машинально подумала Белка, не зная, чего ей больше хочется: подойти и познакомиться или повернуться и бежать.

– Белка, да что ты как памятник стоишь?! – Полундра за руку подтащила подругу к художнику. – Знакомься вот! Это Ромка Ваганов! Сосед наш, Ленкин младший брат! Между прочим, в Москве учится, в художественном! Глянь, как круто рисует! Хочешь – он и тебя изобразит! Ромка, дашь скидку по старой дружбе? Ой... а это кто? А это что у тебя?! Ой! Это же... наша Белка, что ль?! Ой... ЭТО КАК?!

Зеленые глаза Ромки смотрели на Белку в упор.

– Привет, – сказал знакомый голос, столько дней слышавшийся ей по ночам. – Я Роман. Надо же, ты и правда похожа... на нее.

– Похожа?! – завопила Полундра. – Да копия! Одно лицо! Вы что, с ней знакомы, что ли?!

– Откуда? – Роман наконец отвернулся и теперь смотрел через плечо чуть живой Белки на темнеющее море. – Это... с одного портрета старинного копия. В Москве делал.

Он обращался к Белке, но при этом не смотрел на нее. На его скулах горели два алых пятна. Голос звучал хрипло. Белка, отчетливо понимая, что Роман врет, что он тоже узнал ее, не смогла даже кивнуть. Лишь едва заметно пожала плечами. В горле стоял комок.

– Убиться можно, как похожа, – недоверчиво сказала Полундра, переводя взгляд с бледного лица подруги на акварельный портрет. – Ну ладно... Ты долго здесь еще будешь?

– Посижу пока, может, кто подойдет. – Роман по-прежнему смотрел в сторону. – Если вы приехали, то Ленке там одной не страшно будет.

– А Юрка где?

– Не знаю. Сказал – поздно придет. – Ромка сел на свой стульчик и старательно принялся накалывать на мольберт новый лист бумаги. Девчонки растерянно переглянулись и потихоньку отошли.

Среди ночи Полундра проснулась от странных звуков. Села на скрипучей тахте, повертела головой. Было темно. У стены безмятежно сопела Натэла, с Сониной кровати тоже доносились ровное дыхание. Но рядом, на раскладушке, где вечером улеглась Белка, было пусто. Юлька вскочила и вышла за дверь.

Белка сидела на веранде за деревянным столом – там, где они недавно весело поедали приготовленное Натэлой мясо с картошкой и строили планы на отдых. Уронив голову на руки, подруга тихо всхлипывала. Юлька, подбежав, уселась рядом, участливо обняла ее за плечи:

– Белк, ты чего? Болит что-нибудь? На солнце пересидела, да? Хочешь, я Соню разбужу?

– Нет... Не надо... Иди спать... – пробулькала Белка.

– Щас! – свирепо заявила Полундра. – Я спать пойду, а тебя тут реветь оставлю, да? Ты меня за кого держишь?! Чего случилось, я спрашиваю?

Белка, не отвечая, продолжала хлюпать носом. Из деликатности Полундра тоже помолчала несколько минут. Затем грозно сказала:

– Если кто обидел – ты мне только пальцем покажи! Пойду и морду набью! Если надо – Атамана с Батоном до кучи возьму и любого под орех разделаем!

– Вот! Только это и умеешь! Всю жизнь как пацан проблемы решаешь! А я... А мне... Ой, сил моих больше не-ет...

– Так. – Полундра поднялась. – Пойду-ка я Натэлку распинаю, раз такое дело. И пацанов.

– Не-е-е-ет!!! Только этих долбцов мне тут не хватало!!!

– Вах, что случилось?.. – послышался сонный голос, и на веранде появилась Натэла в ночной рубашке. Увидев зареванную Белку и насупленную Полундру, она молча спустилась в кухню и вернулась с огромным кувшином гранатового сока и тремя стаканами.

– Сейчас попьем соку и поговорим спокойно, – объявила она, ставя стаканы на стол. – Белка, ради меня, успокойся. Проснутся парни, а им ничего знать не надо. Что они понимают в этих делах?

– Откуда... ты... знаешь?.. – икнула Белка.

– По-моему, ты влюбилась, – пожалала плечами Натэла. И, придвинув полный стакан ошарашенной Белке, села напротив и улыбнулась: – Мы слушаем тебя, дорогая.

Через полчаса на веранде воцарилась мертвая тишина. Юлька молча смотрела в одну точку. Натэла, хмурясь, постукивала пальцами по столешнице. Убитая горем Белка пила третий стакан сока.

– То есть ты зуб даешь, что там, в музее, тогда был Ромка? – в десятый раз спросила Полундра.

– Всю челюсть, если тебе надо! – всхлипнула Белка. – Я его знаешь как запомнила!

– Люди очень похожие бывают! Вон, Пашку нашего постоянно с каким-то актером сериальным путают! На улицах девчонки пристают, автограф просят!

– А он? – заинтересовалась Натэла.

– Дает, когда Соня не видит! – засмеялась Полундра. Но тут же осеклась, заметив, что Белка снова расплакалась.

– Перестань реветь, прошу тебя, – нахмурилась Натэла. – Высморкайся и давай еще раз по порядку. Что, ты говоришь, он делал в музее?

– Рисова-а-ал...

– Не помнишь, что именно?

– Да что я, приглядывалась? И какая разница?! Я вообще туда работать приехала! Сразу же за инструмент села, начала разыгрываться, а он... он подошел и заговорил по-французски! Назвал меня графиней и спросил, что я здесь делаю! Ты знаешь, как я перепугалась! Решила, что псих попался! В музеях, понимаешь, всякие бывают... Весь концерт потом с такта сбивалась!

– И что ты ему сказала?

– Сказала, что я его не понимаю! И после концерта тут же низкий старт взяла! Хорошо еще, что Юлька «керосинку» сразу смогла завести!

Полундра вдруг схватилась за голову и вытаращила глаза.

– Упс, девчонки! Это тогда точно Ромка был! – увидев изумленные глаза подруг, она шепотом пояснила: – У них бабка была заслуженная учительница республики, всю жизнь языки преподавала! Они и на французском, и на английском как по-русски шпарят!

– Господи, да что же это такое... – прошептала Белка, обхватывая голые плечи руками. – Но тогда я вообще ничего не пойму... Зачем же он сегодня притворился, что меня не знает? Зачем?! Все равно же узнал, я же видела!

– Белка, – осторожно начала Натэла. – Ты только, пожалуйста, не обижайся, но... может, тебе показалось? Может быть, он действительно тебя не помнит? Вы ведь один только вечер виделись! И два месяца прошло! Ромка мог в самом деле забыть!

– Мог, конечно! – Белка яростно высморкалась в подsunутое Полундрой полотенце. – Но почему тогда у него мой портрет на стенде висит?! И он еще говорит, что это не я, а какая-то там старинная картина! Врет и не краснеет! Как будто я саму себя не узнаю!

– И в самом деле... – растерялась Полундра. – Натэлка, верно тебе говорю: у него там Белкин портрет! Похож ужасно! Мы с ней обе видели! Не могли же мы вдвоем с катушек съехать?!

– Так. – Натэла решительно вылила остатки сока в свой стакан и повернулась к Юльке. – Давай еще раз, по порядку, расскажи все, что ты про этого Ромку знаешь. Все-все вспоминай! Это важно!

Полундра ответственно наморщила лоб и закатила глаза, вспоминая.

Семью Вагановых Юлька знала с раннего детства. С Ромкой, который был двумя годами ее старше, они лето напролет играли то в индейцев, то в космических пришельцев, то в пиратов. Иногда к ним даже присоединялась Ленка, которая тогда еще бегала на своих ногах. Самый старший брат, Юрка, этими играми не увлекался: он был уже взрослым парнем. Вагановы были большим и дружным семейством, бабушку-педагога уважал весь поселок, мать с отцом работали в местной больнице. С детских лет дети Вагановых учили иностранные языки, а Ромка, который с младенчества не выпускал из рук карандашей, даже ходил в художественную школу. Но все рухнуло восемь лет назад, когда на крутой горной дороге перевернулся пассажирский автобус. В автобусе были Ромкины родители и сестра. Мать с отцом погибли. Ленку удалось спасти, но ходить она больше не могла. Все невеликие сбережения семьи ушли на похороны, и дети Вагановы остались с бабушкой.

Нину Георгиевну не сломило страшное горе. Она не отдала Ленку в интернат для инвалидов, хотя ей предлагали это, и на свою зарплату учительницы подняла на ноги внуков. Старший, Юрка, успел до армии окончить электротехнический колледж, – как ни настаивала бабушка на одиннадцати классах и высшем образовании. Получив специальность электрика, он ушел в армию. А отслужив в ВДВ, уехал в Москву зарабатывать деньги. Почти сразу же, окончив среднюю школу, засобиравшись поступать в московский художественный колледж и Роман. Денег, чтобы платить за его учебу, у бабушки не было: Вагановы едва сводили концы с концами. Но Ромка умудрился поступить на бесплатный курс: посмотреть на его рисунки, представленные на конкурс, сбежался весь преподавательский состав училища. Романа Ваганова приняли без экзаменов, и он остался в Москве, у старшего брата. Через месяц умерла бабушка, и Лена осталась в Лазаревском одна.

– Надо же, какой этот Ромка молодец... – прошептала Белка. – Пройти такой серьезный конкурс... Просто умница!

– Ну да, не дурак! – гордо подтвердила Полундра. – Читать любит, книжки толстенные, как у Натэлки нашей. А летом сюда возвращается, Ленке помогает. По вечерам вон на набе-

режной сидит, портреты отдыхающих рисует. Говорит, что хорошие деньги дают! – Она встала и босиком зашагала по серебристому от лунного света полу веранды.

– Итак, что мы имеем на круг? Ромка учился в Москве, в музее быть вполне мог, рисовать там мог и Белку нашу закадрить мог. Так?

– Так, – хором подтвердили Натэла и Белка.

– Допустим, понравилась ему Белка. Вопрос: зачем по-французски говорить? Зачем ее графиней какой-то называть? Повывдываться, что ли, захотел?

– Глупо, по-моему, – дернула плечом Натэла. – Это ведь случайность, что наша Белка тоже французский знает! А если бы она его вообще не поняла?

– Может быть, он знаком с какой-то графиней, на которую я похожа? – грустно сказала Белка. – И просто меня с ней перепутал?

– Графиня четырнадцати лет?! В Москве?! – фыркнула Полундра. – Натэлк, как думаешь, может, во Франции еще графини остались?

– Наверное... но как Ромка мог с ней познакомиться? Он же не был за границей?

– Может, по Интернету? – предположила Белка.

Подруги дружно пожали плечами. Белка тяжело вздохнула и, отвернувшись, устала в темноту сада.

– Ничего не понимаю... Юлька! – Она вдруг привстала. – А что это там свет горит?

– Где? – Полундра вытянула шею.

– Да вон, в вагончике! Не у нас, а через забор!

Полундра перегнулась через перила веранды. В крошечном окошке соседского вагончика в самом деле что-то слабо светилось.

– Хм... Сдали они его уже, что ли? – пожалала плечами Полундра. – Что-то я там днем не видела никого. Ой! Девчонки! А там, кажется, дерутся! Точняк, дерутся!

По освещенному окошку вагончика метались, сцепившись, две тени. Полундра немедленно перемахнула через перила веранды и понеслась через темный сад к забору.

Вскоре она вернулась озадаченная:

– Ничего не пойму... Когда я подбежала, уже все тихо было. И свет погас... Неверное, не дрались, а просто дурака валяли. А потом спать легли. Не, я завтра к Ленке в гости пойду и спрошу, на фига она ненормальных отдыхающих запустила! Еще спалют им вагончик! И пол-участка!

Белка только вздохнула. На поведение неведомых отдыхающих ей было совершенно наплевать. Жизнь казалась огромным океаном тоски.

Но на другое утро, на море, все горести и печали выскочили у Белки из головы. На чистом небе не виднелось ни одного облачка. Остывшая за ночь пляжная галька приятно холодила босые ступни, новый желтый купальник сидел на фигуре великолепно. Над головой кричали чайки, и жизнь снова была прекрасна.

Они просидели на пляже до обеда. Отбили все ладони, играя в волейбол, устроили заплыв до буйков, насобирали выглаженных волнами розовых ракушек. А когда Батон с Атамановым вздумали обучать Белку плавать брассом, ей стало вовсе не до страданий: захотелось попросту остаться в живых до конца каникул. Пашка с Полундрой ловили крабов под камнями и складывали их в Сонину шляпу: до тех пор, пока этого не заметила хозяйка головного убора. После этого крабы отправились прямым рейсом назад в море, Юлька спаслась бегством, а хохочущий Пашка был настигнут невестой в двух метрах от берега.

– Сейчас Сонька его утопит раз и навсегда, – убежденно сказал Батон. – Стольник ставлю.

– Накрылся твой стольник! – хихикнула Полундра, высываясь из-за камней. – Вон – уже целуются! Пацаны, кто со мной купаться?

– Юля, вы уже цвета мерзлой курицы! – озабоченно сказала вернувшаяся Соня. – Ваши родители потом скажут, что я за вами не смотрела! И будут правы!

– А ты скажи, что это не ты, а дед плохо смотрел! – посоветовала Юлька. – Где он, кстати? Соня, пожав плечами, ткнула пальцем в крохотную точку на морском горизонте:

– Игорь Петрович, кажется, отправился за контрабандой в Турцию!

– Это да, это он может! – подтвердила Юлька. – Спасатели постоянно его назад на катере привозят! А он еще не хочет к ним залезать!

Раньше всех с моря засобиралась Натэла, заявившая, что отдых отдыхом, а обед по расписанию. Полундра робко выдвинула предложение о том, что хорошо бы готовить еду всем по очереди.

– Это ж свинство, что одна Натэлка постоянно на кухне крутится! Она тоже отдыхать приехала, а не вас кормить с утра до ночи! А ты, Атаман, не отворачивайся, будто дело не твое! Ты один как десантная рота лопаешь!

– Да?! А кто ночью сковородкой гремел, шашлык доедал?! – взвился Атаманов. – Все подобрала, вчистую! Я утром на разведку вылез – ни кусочка не нашел!

– Врешь! – взвилась Полундра. – Даже близко не подходила! Спала всю ночь!

– Значит, прямо во сне и трескала! Как лунатик!

– Ты сдурел?! Это не я! Это Батон, наверное! Короче – кто еще готовить умеет?

Оказалось, что никто, кроме Сони.

– Я могу кашу овсяную из пакетика на завтрак сварить! – гордо сказала Юлька. – Ну или там яичницу.

– Видал я раз твою яичницу... – проворчал Атаманов. – Фильм ужасов отдыхает. Нет уж, ты нас всех перетравишь только.

– Ну и готовь тогда сам! – обиделась Полундра. – Что умеешь?

Серега впал в глубокую задумчивость. Потом осторожно заявил, что мог бы, конечно, начистить на всех картошки, но...

– Вах, не дай бог! – содрогнулась Натэла. – Он из мешка картошки сто грамм оставит! Вы только продукты зря испортите, а на рынке вон как все дорого! Нет уж, лучше я сама! А то, когда я другого человека у плиты вижу, просто с ума сходить начинаю! А бабушке вообще нельзя к плите подходить! Она будет думать о рисунке своей роли, и у нее вместо борща корейский морковный салат получится!

Через полчаса яростных прений постановили, что готовить на всех из соображений безопасности будет все-таки Натэла, парни – бегать в магазин и на рынок, а стирать, убирать и мыть посуду возьмутся Юлька, Белка и Соня согласно установленному графику. Такое решение вопроса всех устроило, и компания засобиралась домой. Натэла пообещала на скорую руку соорудить окрошку и нажарить рыбы.

Время бежало незаметно, и, когда девчонки вспомнили о том, что собирались еще раз взглянуть на Белкин портрет у Ромки на стенде, уже начало смеркаться.

– Я сначала зайду к Ленке в гости! – Полундра, прыгая на одной ноге, пыталась второй попасть в штанину оранжевых шортов. – Так... почву позондирую. Может, ей Ромка чего рассказывал... Кто со мной?

– Мне ужин готовить надо, – отказалась Натэла.

– А я не хочу никуда идти, – мрачно сказала Белка, закинув ноги на спинку кровати. – Лучше полежу... почитаю спокойно.

– Ты чего это?! – изумилась Полундра, от удивления даже перестав натягивать шорты. – Мы же потом к твоему Ромке пойдем!

– Ничего он не мой. – Белка смотрела в потолок. – Он меня даже узнать не захотел. Как будто не видел никогда. Не хватало еще ему навязываться! Еще подумает, что я за ним бегаю...

Подруги переглянулись.

– По-моему, Белка права, – решительно сказала Натэла.

– Но она же не целоваться с ним собирается! – заорала Полундра. – Что теперь – по набережной пройтись нельзя, потому что Ромка там?! Фигня какая-то!

– Не хочет – не надо, оставь ее в покое! – стояла на своем Натэла. – Белка, ты только не переживай. Вон персик возьми, я целый таз намыла... Черешня там еще в тарелке. А Юлька вернется – и все тебе расскажет. И не вздумай тут рыдать! А то парни узнают, вопросами дурацкими замучают! – Натэла схватила тазик с персиками и бухнула на кровать рядом с подругой. – Вот! Ешь! И думай о приятном! Бабушка говорит, что поведение мужчины вообще не повод для плохого настроения!

– А что же тогда повод? – удивилась Белка.

– Болезнь или смерть! – послышался с улицы голос генерала. – А все остальное – че-пуха! Жаль, что это понимаешь только к семидесяти годам!

– Дед! – Юлька кинулась к распахнутому в сад окну. – Почему ты всегда подслушиваешь?

– Это не я подслушиваю! Это ты кричишь так, что тебя в Турции слышно! И вообще, я ничего не слышал, просто рассуждал вслух! А кроме того...

Договорить генерал не успел: с улицы донесся длинный автомобильный гудок. Белка выглянула в окно – и прыжком вскочила на ноги:

– Дядя Шлема приехал! Я пошла ворота отворять!

Полундра помчалась за ней. Вместе они отодвинули тяжелую створку ворот, за которой обнаружилась серая «Мазда». Из машины вылез здоровенный чернобородый дядька совершенно разбойничьей наружности. Старая тельняшка трещала на его широченных плечах. Это был отчим Белки и Сони Соломон Борисович Шампоровский, антиквар и эксперт по предметам искусства.

– Эй, братва! Как погода? Купались уже?

– Натэла, давай корми человека с дороги! – распорядилась Полундра. – А я по делам!

На бегу поздоровавшись с Шампоровским, она свернула в проулочек, ведущий к соседской калитке, и столкнулась там с пожилой почтальоншей.

– Ты к Вагановым? – остановила она Юльку. – Вот, отдай им счет за воду!

Юлька кивнула, мельком взглянула на счет и пожала плечами:

– А не ошибка? Тут другая фамилия какая-то напечатана...

– Верно все! Я шестнадцать лет сюда ношу! – обиделась тетка. – Смотри передай, тут оплата до двадцатого!

Юлька кивнула и, размахивая конвертом, помчалась к соседям. Входя в дом, она бросила счет на подоконник и тут же забыла о нем.

– Как здорово, что ты пришла! Сейчас чай пить будем, у меня коржички свежие есть! – весело говорила Лена, пытаясь балансировать на костылях и одновременно накрывать на стол. – Залезай за стол и... ой!!!

– Да сядь ты, ради бога! – рывкнула Полундра, ловя у самого пола фарфоровую голубую чашку. – Сейчас всю посуду перебьешь! Дай я сама поставлю! Такую чашку шикарную чуть не раскокала!

– Нет, я хочу сама! Мне тренироваться надо. Юлька, это такое счастье – на своих ногах ходить! Ты даже представить себе не можешь! Понимаешь – самой! Без этой коляски! Мне в больнице сказали, что еще месяц процедур – и я смогу вообще без костылей! Ты представляешь?!

– Ленка, я рада не знаю как! – искренне сказала Полундра, забирая все же из рук соседки пакет с коржичками. – Скоро опять будем наперегонки до моря бегать!

– Да, мне и плавать сказали почаще! Меня Юрка каждое утро и каждый вечер на море на руках носит! Он сейчас в отпуске, а через неделю снова уедет – и придется на костылях скакать... Хорошо, недолго осталось! Тебе в кружку или в стакан наливать?

– Дай сюда! Ошпаришься! – Полундра ловко перехватила чайник. – Сядь, не нервируй меня, я сама налью! Где ребята-то?

– Юрка где-то ходит, Ромка на набережной работает. Он тебе свои последние рисунки показывал? Такая красота! На вот, взгляни! – Лена вытащила с полки пухлую папку с рисунками. – Только ты ему не говори, что я тебе показала, он меня убьет! Говорит, что это все незаконченное.

Живописью Полундра абсолютно не интересовалась. Но огорчать Ленку не хотелось, и она с напускным вниманием принялась разглядывать листы шершавой бумаги. И сразу же поняла, что пришла сюда не зря.

Чуть ли не на половине рисунков была изображена Белка Гринберг. В причёске с хвостиками, с которой она была в тот день в музее. В белом концертном платье с открытыми плечами. Рисунки были то больше, то меньше, то почти закончены, то едва набросаны тонкими карандашными линиями. Несколько были сделаны красками. Юлька незаметно перевела дух, собралась с мыслями. С уважением сказала:

– Клево, чесслово! Шикарно, когда человек рисовать умеет! А я даже «палка-палка-огурчик» не изображу! А кто эта девчонка в хвостиках, Ромка не говорил?

– Говорил, но я забыла. – Лена потянулась за коржиком, мельком взглянув через плечо Полундры. – Какой-то известный портрет. Он в Москве все время по выставкам ходит, у них задание в колледже такое – старые картины копировать.

«Ну-ну... Портрет известный, как же!» – подумала Юлька. Она пожалела о том, что не взяла с собой Белку: Ленка, несомненно, заметила бы сходство между рисунками брата и приезжей девчонкой, и тогда... А что тогда, спрашивается? Нет, пожалуй, это как раз хорошо, что Белки здесь нет... Как говорил агент Тайгер из сериала «Барсы Нью-Йорка»: «Опытные игроки открывают карты последними!» Когда Ленка в очередной раз отошла к плите, Полундра вытащила один лист из папки, стремительно скатала его в трубочку и сунула за резинку шортов, под майку.

– Где вы денег на операцию надыбали? – как можно беззаботнее спросила она. – Фонд, что ли, какой-нибудь благотворительный дал?

– Ай, от них дождешься... – отмахнулась Лена. – Нет, это Юрка!

– Заработал?!

– Ага, в Москве. Он в какую-то фирму серьезную устроился, представляешь? Что-то там с границей связано. Он же два языка знает, без вопросов взяли!

– А давно устроился?

– Еще два года назад. Сразу как из армии вернулся. Какой-то друг устроил, служили вместе.

– А операцию тебе сделали когда?

– Прошлой весной. Юрка сто тысяч привез. – Лена придвинула к подруге вазочку с вареньем. – Ты ешь. Это из персиков, как ты любишь!

За варенье из персиков Полундра действительно душу была готова продать, но сейчас даже не смогла взглянуть на янтарные ломтики. В голове бешено вертелись мысли: «Так... Два года всего работает... И за год сразу сто тысяч?! Плюс за квартиру в Москве платить, плюс им с Ромкой трескать что-то каждый день... Нет, фигня какая-то выходит. Или Юрка врет, или Ленка». Но, взглянув через стол на безмятежное, радостное лицо соседки, Полундра вспомнила, что врать Лена Ваганова не умела никогда.

– Ой, какая здоровская чашка! – восхитилась она только для того, чтобы не молчать. – Я у вас такую раньше не видела!

– Это мне Юрка на день рождения подарил, – весело сообщила Ленка. – Красивая, правда?

Чашка действительно была замечательная: тонкого-тонкого, почти прозрачного голубого фарфора, расписанная полустертыми цветочками. Вещь была, что и говорить, красивая, но явно не новая.

– Это он в магазине такую купил? – с подозрением спросила Юлька.

– Говорит, на рынке в Москве... А что? Красиво же! Она старинная, видишь? Ладно, поставь, я тебе еще чаю в нее налью!

– Давай. – Юлька черпнула из блюдца варенье. – А что, ваш вагончик вы сдали уже?

– Какой вагончик? – Лена, не глядя на гостью, возилась с чайником. – На задворках? Нет, еще никто не просился. Там вообще-то не очень удобно. Вот сейчас студенты после сессий приезжать начнут, тогда, может быть...

– Так там не живет никто?! – совсем растерялась Полундра. – А ночью вроде окошко светилось...

– Брось, показалось тебе, – улыбнулась Лена. – Бери еще персиков!

Чтобы не вызывать подозрений, Юлька принялась уписывать варенье.

Во дворе хлопнула калитка. Лена выглянула во двор:

– Юрка вернулся!

Старший брат Ленки вошел – и, казалось, заполнил всю маленькую кухню своей огромной фигурой с мощными плечами. Он сильно отличался от младших брата и сестры – стройных, темноволосых, с тонкими чертами лица. Юркина физиономия была словно вырублена из грубого дерева, короткий ежик светлых волос был еще мокрым после купания. Он увидел гостью – и его сощуренные зеленые глаза весело блеснули.

– Опа – Юлька! Здорово!

– Это тебе откуда так прилетело, Юрец?! – вместо приветствия ахнула Полундра. На левой скуле старшего Ваганова красовался огромный вздувшийся исчерна-фиолетовый синяк. В синяках Полундра разбиралась хорошо. Этот был совсем свежий – даже несколько недозревший.

– Да гопота какая-то ночью на набережной привязалась, – небрежно отмахнулся Ваганов.

– А ты?!

– Что – я? – усмехнулся он. – Покидал всех в море, и дело с концом... Сама-то давно приехала? Что это там за толпа народу у вас бегаёт?

– Вчера прибыли! У деда джип новый! – похвасталась Полундра. – Это все мои друзья! Отдыхать их привезла! Сам как? Как дела? Мне тут Ленка говорит – ты крутую работу нашел?

– Да нашлось местечко хорошее.

– С языками что-то?

– Ну да.

– А где это? – не унималась Юлька. – Какая фирма? Там, случайно, программисты не нужны? А то наш Пашка тоже работу ищет, он компьютерщик – зашибись! И английский прилично знает! Может, вам там сгодится? Не дашь адресок, куда резюме скинуть можно?

– Не... – Юрка перестал улыбаться. – Ты извини, но у нас там людей под завязку. Лишнего не надо.

– Ну, может, все-таки попробовать? Хуже-то не будет? – заканючила Юлька. – Сам знаешь, как с работой-то теперь... В Москве особенно...

– Не надо там программистов, тебе говорят! – резко оборвал ее Юрка, и сестра, повернувшись от плиты, удивленно взглянула на него. – Там одни переводчики сидят! К тому ж братец твой что оканчивал?

– Ничего пока еще. В МГУ учится.

– Вот когда выучится – тогда пусть и приходит. Там без диплома делать нечего. Вот ведь прилипла как банный лист...

– Юр, а ты чего злой такой? – озадаченно спросила Лена. – Голодный, что ли? Я тебе сейчас шей налью...

– Сиди, я сам, – буркнул брат, поднимаясь. Полундра тем временем, поразмыслив, попыталась зайти с другой стороны и раскрыла на коленях папку с рисунками Романа.

– А Ромка-то рисовать еще лучше стал! Прямо Микеланджело наш! – Открыв папку, она принялась перебирать рисунки. – Слушай, Ленка, а почему у него одних и тех же так много? Это так положено, да? Рисовать до посинения, пока правильно не получится? И до чего на мою подружку похоже – сил нет! Прямо как будто с нашей Белки рисовали, да! Можно я ее приведу и она тоже поглядит?

Ленка почему-то не отвечала. Удивившись, Юлька подняла глаза и увидела, что та с испугом смотрит на брата. А у того такое лицо, что Полундре немедленно захотелось превратиться в таракана и шмыгнуть под плиту.

– Юрка, а что ты на меня...

– Какого хрена, я спрашиваю, ты ей Ромкины рисунки показываешь?! – заорал он на сестру так, что та вскрикнула. Пустая тарелка выпала у Лены из рук и со звоном разбилась об пол, но Юрка, казалось, даже не заметил этого. – Ромка велел не вытаскивать! Сказал, что показывать нельзя! Никому! А ты, дура, что делаешь?!

Лена, пошатнувшись, потеряла равновесие и неловко упала на табуретку. Брат шагнул к ней. На какой-то миг перепуганной Юльке показалось, что Ваганов сейчас ударит сестру. В таких случаях Полундра обычно действовала стремительно и без долгих мыслей. Схватив со стола первое попавшееся – круглый медный поднос – она вскочила с ногами на табуретку и со всей силы треснула Юрку по затылку.

Звук получился такой, словно ударил церковный колокол. Завибрировали, казалось, даже стены кухни. Юрка, коротко ругнувшись, повернулся.

– Оборзел, придурок, в натуре?! – рявкнула Полундра.

Она хорошо понимала, что весовые категории у нее с Вагановым разные и в серьезной драке ей не выдюжить против бывшего десантника. Но отступить было некуда.

– Совсем мозги отвалились, балбес?! Ты на кого замахиваешься, паразит?! Она же девочка! И почти без ног! И сестра твоя! Ты что, Ваганов, вольтанулся ваще?! Как вот дам щас еще раз по рогам! А потом ментов вызову!

– Не ори, мелочь, – хрипло сказал Юрка. Но было видно, что он уже пришел в себя. Шагнул к Полундре, он без особого труда взял поднос у нее из рук и бросил его на стол. Глядя в стену, попросил:

– Слушай, Юльк... Будь человеком, иди отсюда.

– Лен? – посмотрев на подругу, грозно спросила Полундра.

– Ничего... – всхлипнула та. – Юль, ты извини... Он... не нарочно. Ты, пожалуйста, иди, потом еще поговорим...

– Ну смотри! Если что – кричи, я тут рядом! И нас много! – предупредила Юлька. И, намеренно зацепив плечом Ваганова, вышла из дома. Она искренне надеялась, что Юрка не заметит, как дрожат у нее коленки. В голове творилось ужас что.

Полундра пошла было к своей калитке, но, на миг задумавшись, повернулась и побежала в другую сторону – к набережной. Солнце огромным красным шаром уже садилось за горы, нужно было торопиться.

Вечером над садом взошла круглая луна. На большом столе под навесом горела лампа, над ней кружились мотыльки. За столом играли в покер Соня, Пашка и Соломон Борисович.

Генерала Полторецкого не было: он поехал в Сочи за бабушкой Натэлы. Компания Полундры сидела на ступеньках лестницы и наблюдала за игрой. Ждали Юльку.

– Ну сколько можно у соседей сидеть... – пробормотала Белка. – Почти ночь на дворе. Неприлично же!

– Придет, куда денется... – отмахнулся Атаманов, с большим интересом наблюдавший за игрой. – Смотрите, сейчас Пашка шестую партию выиграет!

Так и вышло. Пашка с ангельским выражением лица объявил флэш-рояль и предложил партнерам вскрыть карты.

– Павел, с вами невозможно иметь дело! – обиженно заявил Шампоровский. – Как вы это, черт возьми, делаете?!

– Да просто все, Сол Борисыч! – ухмыльнулся Пашка, тасуя колоду. – Покер – это просто логические построения, и никакого мошенства! Самый обычный матанализ... ну, плюс память хорошая. Так вы считаете, мне можно делать в Лас-Вегасе большие деньги?

– Полторецкий, успокойся! – заволновалась Соня. – Мне только Лас-Вегаса не хватало!

– А чего?.. Представляешь, выиграю тебе палаццо в Венеции и новый рояль! Шикарного красного цвета!

– Фу! – поморщилась Соня. – Красный рояль – это вульгарно! Оставь мне лучше мой старый! Дядя Шлема, зачем вы ему голову забиваете? У него и так прогрессирующая мания величия!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.